

84(БКаз-411ав) №7
Г 83

Ольга Григорьева

НИКОГДА

НЕ ОТГЛЯДЫВАЙСЯ

Стихи

3/3
2/2
Павлодарская областная
библиотека 510674 ✓
С. Терайгырова

ДОМ ПЕЧАТИ

Павлодар

2005

Ольга Григорьева — автор поэтических книг «Середина сентября», «Вечный сюжет», «Одинокое стоящее дерево», «Дверь», «Поют мои друзья», «Из Павлодара с любовью», сборника очерков «Вы — историческое поколение», пяти книжек для детей. Ее персональная страничка в Интернете: <http://www.pavlodar.ru/grigolga>

В новом сборнике О. Григорьевой «Никогда не оглядывайся» — тематический цикл стихотворений о родном городе, творчества, любви, вошел сюда цикл стихотворений посвященный Марине и Анастасии Цветаевым — «Колокольчик из Троицы».

РЕЦЕПТЫ ОТ РАДИКАЛА

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

На улице Набережной

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Слова автора: [неясно]

Ольга Григорьева — автор поэтических книг «Середина сентября», «Вечный сюжет», «Одинокое стоящее дерево», «Дверь», «Поют мои деревья», «Из Павлодара с любовью», сборника очерков «Вы — историческое поколение», пяти книжек для детей. Ее персональная страничка в Интернете: <http://www.pavlodar.ru/grigolga>

В новом сборнике О. Григорьевой «Никогда не оглядывайся» — тематика родного города, творчества, любви, вошел сюда цикл стихотворений посвященный Марине и Анастасии Цветаевым — «Колокольчик из Тарусы».

Павлодарская областная библиотека
им. С.Торайгырова
г. Павлодар

На улице Набережной

* * *

Влюбившись в этот город маленький —
Как оказалось, навсегда,
Люблю смотреть, как вечным странником
Течет иртышская вода.
Люблю бродить по старым улицам,
Где снова осень правит бал,
И верить — все на свете сбудется,
Коль в Павлодаре загадал...

ПЕСЕНКА О КОНТРОЛЕРЕ

Сел в автобус, так изволь,
Оплати багаж и место...
Что на линии — контроль,
Это всем давно известно.
Но бывает волшебство
(Все на свете в Божьей воле!),
Тихо едет большинство,
Забывая о контроле.

Ни к чему им даль и высь,
Усыпляет их движенье...
Не хотят платить за жизнь
Ни трудом, ни вдохновеньем.
По душе им эта роль,
Их сидение прелестно...
Но на линии — контроль!
Это всем давно известно.

Чу! Гляди, заходит он,
И сжимается пространство,
И выбрасывает вон
Тех, кто под руку попался...
Вот такое «ре-ми-соль» -
Невеселенькая песня.
Да, на линии контроль.
Это ж было всем известно!

Ну а я плачу, плачу,
За себя и за другого,
Что отпущено — тащу,
Не перечу вам ни словом.
О, безжалостный контроль,
Нет клиента без огреха...
Но позволь, прошу, позволь
Мне до осени доехать...

НАПРОСВЕТ

Судьба проста, как платице из ситца,
Из бытия неяркий лоскуток.
Лишь стоит иногда засуетиться —
Как будто кто берет за локоток:
— Охолони! Переверни страницу,
Начни немедля с чистого листа!
Пусть кто-нибудь с успехом суетится,
Живи не так. Твоя судьба проста.
Но что это, скажи, беда иль благо:
Перебирать неспешно четки лет.
Зачем вот эта скрытая отвага —
Жить набело, навзрыд и напросвет?
Как напросвет — листва осенней рощи,
Закатным светом озарившей нас,
Которая не трусит и не ропщет,
А всю себя земле своей отдаст.

* * *

На спящий город кисею набросили,
И эта золотая кисея —
Подарок нам от наступившей осени —
Ее гербы, печати, вензеля...
И поутру во всем великолепии
Предстал пред нами пожелтевший сад,
Чтобы забыли мы забавы летние,
Влюбившись в этот сказочный наряд.
Но скоро ветер с ночкою-подружкой
Сорвут с деревьев золотую сеть,
И под ногой сухой ненужной стружкой
Богатство это будет шелестеть...

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Кому-то с рожденья жарко,
А мне без конца — борись!
А рядом на иномарках
Несется новая жизнь,
В валюте души не чаает,
На Кипре вершит дела.
Не знаю... Не заключала...
Не ездила... Не была...
Никто мне не даст ответа —
Да новая ли она?
И мне все равно при этом,
Какая вокруг страна.
Но — дерево, травы, птица,
Свет лунный и свет дневной —
Какой разделить границе,
Что вечно теперь со мной?
Зеленой смешной полоске
Весь мир до безумья рад!
Мне Пушкин, Ремарк и Бродский
Дороже их во сто крат.
А мудрость — собой остаться
И новое полюбить.
Свое не предать богатство.
Чужое — благословить.

НА УЛИЦЕ НАБЕРЕЖНОЙ

Я никогда не была
ни атеисткой, ни набожной.
Я просто знала, что есть
недоступное нам.
А теперь я рада, что живу
на улице Набережной,
Где с одной стороны — Иртыш,
а с другой — Храм.
Я налево пойду, к Иртышу,
по тропе выюжной,
Поклонюсь природе,
вечной ее красе.
Я направо пойду, в Храм,
отстою службу,
Помолюсь за близких,
чтоб счастливы были все.
Пусть морозы трещат,
и погодка опять выюжится,
Не хочу жить на юге иль
в столичном раю.
Я хочу жить здесь,
на любимой своей улице,
На берегу, на границе,
на самом краю...

ПАВЛОДАРСКИЕ ОБЛАКА

*Моя родина там, где проплываю
самые прекрасные облака,*

Жюль Ренар

Я люблю вас, облака павлодарские!
Любоваться вами не надоест.
Грозовые и божественно-царские,
Белоснежные, как сотни невест,
То ли это Иртыша наваждение,
То ли степь свое тепло отдает —
Беспрерывно, фантастично движение...
Вон какая каравелла плывет!
И по-детски снова в лучшее верится,
Ноша лет — и та воздушно-легка.
Удивленно, и крылато, и перисто
Отражаются в домах облака.
Пусть другие города смотрят ласково,
Даже почести большие сулят,
Только нету неба там павлодарского,
И такие облака не летят.
Жаль, конечно, что делами замучены,
Редко смотрят горожане наверх:
Если небо вдруг затянется тучами,
Сеет дождик или падает снег...
Лишь мальчишка - то ль с барашком,
то ль с козочкой,
Что остался от художников в дар,
Пересчитывает каждое облачко,
Посетившее родной Павлодар.

Я сижу на песке
и люблюсь на тот берег,
Где закат облака покрасил
багрово-красным.
Предо мной, слава Богу, Иртыш,
а совсем не Терек,
И поэтому просто так
сидеть не опасно.
Я сижу на песке,
вспоминаю подругу Розу,
Что в Чечню уехала где-то
в восьмидесятом.
Поначалу писала — мол,
устроились там в Грозном...
Что же с Розой теперь,
и что с ее младшим братом?
Тишина вокруг такая
и безмятежность,
И нельзя поверить, что где-то
грохочут взрывы...
Что сильней на свете —
ненависть или нежность?
Умоляю, друзья —
оставайтесь подольше живы!

МОСКОВСКИЙ ДОЖДЬ

Брызнул дождь — и был таков.
Вновь жара на всю катушку.
Сколько мокрых облаков
Вывесили на просушку!
Ослепляют белизной,
Разлетаются от ветра.
Ты возьми меня с собой,
Белый облак, облак светлый!
Как воздушное такси,
Без границ, без тряски, даром,
Подхвати и донеси
До родного Павлодара!
Где фонтаны в небо бьют
Озорной бурлящей пеной,
Где мечеть — как изумруд
На его одежде белой.
Где плывет над речкой звон,
Купола призывно светят...
Где свистит со всех сторон
Павлодарский свежий ветер!
Чтоб, вися на волоске,
Грусть исчезла легкой тенью.
Чтобы снова о Москве
Заскучать через неделю!

* * *

Когда ручьи, еще чисты,
бегут по лону льда,
И затевает пересвист
синиц нестройный хор,
Все ближе прошлого черты,
и детская мечта,
И небо в лужах голубых —
новосибирский двор.
Как на ладони — ближний лес,
берез весенних гул.
Но сок пока не побежал,
еще природа спит.
И кажется, ты не вырослел,
лишь на часок вздремнул,
И ласков Тот, кто зрит с небес
и за тобой следит...

ПИСЬМО ОТ МАМЫ

Давно привыкли жить звонками:
— Ну, как дела?.. Привет... Привет...
И вдруг пришло письмо от мамы,
Простой бесхитростный конверт.
Березки лист на синем фоне...
И сразу сердце обожгло
Воспоминание о доме
И строчек маминых тепло.
Ни слез, ни жалоб, ни упреков...
Мол, все в порядке, труд и быт.
Но высоко и одиноко
Ее душа за всех болит.
И, прочитав письмо, заплачу,
Что еду к ней который год,
Что нас не слава, не удача —
Молитва мамина спасет.

СКВОРЦЫ

Заселили скворечник скворцы...
Может, скажете — что здесь такого!
Заливаясь, шалеют певцы
От апрельского дня золотого.
Может, скажете — это старо,
Восхищаться их свадебным пеньем.
Ах, как скворушка чистит перо,
Ждет скворчиху свою с нетерпеньем!
...Рухнул век, и погибли отцы,
И давно поразъехали дети,
Но опять заселяют скворцы
Неказистые домики эти.
И, не ведая разных химер,
Возвращаются к милой отчизне,
Всем живущим даруя пример
Непонятной,
но правильной жизни.

КРОССВОРД

У соседки был характер твердый,
Голос властный и немножко грубый...
Некому разгадывать кроссворды.
Померла недавно тетя Люба.
А бывало, я ей привозила
Отовсюду книжки и газеты,
И сидела Люба в вечер зимний,
Словарями пользуясь при этом.
Что там, Люба?
Ты нашла отгадку
На кроссворд, загаданный судьбою?
Знаю, ты жила совсем несладко...
Что там, в царстве вечного покоя?
Может быть, сидишь над сеткой снова,
Собираешь старые бумаги?
Как пересеклись два этих слова —
«Жизнь» и «смерть»?
В последнем только знаке?
Что там — в этом миге, в этой вспышке?
Тяжелы ли в вечность переходы?
Не ответит Люба, не услышит.
Некому разгадывать кроссворды.

СОН ПОПОЛУДНИ

О, как жестоко усыпляют будни!

Уснув однажды летом пополудни

Смешливой женщиной,

в расцвете сил и лет

Проснувшись, увидала: день все тот же.

Но где моя прическа, свежесть кожи?

Халатик новый, бабочка, букет?

Их нет.

Но то же, то же, то же,

то же лето!

Лишь почему-то повзрослели дети,

Зачем-то поразъехались — Бог весть.

Сон, обморок, провал...

Годам не верю.

Приснились и любви, и потери.

Приснилось счастье, что, наверно, есть.

Не здесь.

510674
Павлодарская областная
библиотека
С. Торайгырова

КОРОСТА

А все объясняется просто
(Для тех, кому слышать дано) —
С души отлетает короста,
Которая зрела давно.
Была она страшной и толстой,
Я долго жила, замерев,
Но вот — отпадает короста,
И слышится жизни напев...
Как в юности — дерзко и рьяно
Я жить начинаю опять.
Что в прошлом? — Глубокая рана.
Не будем о том вспоминать.
Уйди с дорогого погоста,
Верни для души бытие.
Коросточка, корка, короста
С годами покроет её...
Отпала? Слетела? Ну что же,
Тогда приготовься, изволь,
Как нежная тонкая кожа
Почувствует новую боль.

20-Й ВЕК

Вся эта глыба, айсберг — под водой.
Плывут вокруг воспоминаний льдины...
Что было со страной и с тобой
Незримо погружается в глубины.
Мы — наверху! Восторг со всех сторон!
Но в прошлом столько жизнью остается,
Что кажется, что вдруг растает он —
Чуть-чуть подтает и — перевернется!

* * *

...И уже позабыты кумиры,
Что слова расточали лестные.
И уже не хотят школьники
На уроках их изучать.
Выплывают имена другие —
Непризнанные, неизвестные.
Ах, как хочется их услышать
И по-новому жизнь начать!

* * *

Всё ж 21-й век...
Смешны Аид и Лета.
О, все мы уплывем
 по волнам Интернета
Туда, в иную жизнь,
 где нет страстей и тел,
Где ты увидишь всех,
 с кем встретиться хотел.
И там — в сети, в тиши
 почти что идеальной
Ты снова будешь жить,
 но жизнью виртуальной,
И на любой вопрос
 тотчас ответ найдешь...
А разница лишь в том,
 что «выход» не нажмешь.
С друзьями и роднёй
 не видимся годами,
Лишь мышка под рукой,
 экран перед глазами...
Так, в общем, все равно,
 жива я иль помру,
Пишите мне: ogrig
Ну и, конечно, ги.

ВИНОГРАД

Зацепись за меня, виноград,
обвей своей гибкой лозой,
Удержи над бездной,
куда мы уходим все.
Я согласна быть бабочкой,
гусеницей, стрекозой,
Виноградиной малой
среди листьев своих висеть...
Удержи, сохрани!
Продли этот краткий срок!
Хочешь, буду я просто частью
твоей лозы,
Понимая, как дождь
превращается в красный сок,
Как старается солнце,
завивая твои усы.
Ах, как горестно, радостно,
страшно и сладко тут!
Как раскинулся мир просторный,
большой-большой!
И какую бы форму
ни принимал сосуд,
Лишь бы только душа
оставалась моей душой!
Но спасенья не будет...
Ты в этом
не виноват —
Так устроен мудрой природы
извечный ход...
Отдает свои гроздья щедрые
виноград,

Обреченно и безропотно

отдает.

Пляшут мокрые виноградари:

- Кто сильнее?!

И стекает в чаны, пенясь,

его струя

Оправданием мучительных

долгих дней,

Красной, терпкой, пьянящей

сущностью бытия...

МОИ МАЛЕНЬКИЕ СЫНОВЬЯ

Куда убежали мои маленькие сыновья?

Где они спрятались?

Их уже больше не будет...

Имена остались все те же,

и та же я,

А они — другие,

совершенно взрослые люди.

Только я не забыла

ни радость, ни плач, ни смех,

Ни коленки разбитые,

ни вихорок упрямый.

Помню я, как в ребяческих бедах всех

Вы меня вспоминали

и сразу кричали: «Мама!»

Где ж вы, мальчики, где

малыши мои?

Только в сердце живете,

и здесь вам совсем не тесно...

Оттого по ночам оно мается

и болит,

И скучает без вас,

и себе не находит места...

* * *

Но вот замедляется
бешеной гонки ритм,
Но вот оседает муть
прошедшего дня...
Бессонница создана для
ночных молитв,
И я помолюсь за вас,
мой сыновья.

ИЗ «ПИСЕМ В ГЕРМАНИЮ»

Ну, когда приедешь, тезка?
Погуляли б не спеша...
За окном реки полоска —
Словно лезвие ножа.
Письма реже, реже, реже...
Все слабее дружбы нить.
Но Иртыш без крови режет
Тех, кто смел его забыть.
И занает эта рана,
Всем желаньям вопреки,
Серой лентой автобана
Иль волной чужой реки.
Защемит, забьется сердце,
И сотрется счастья грим.
Никуда от нас не деться.
Приезжай, поговорим!

* * *

Ах, какая благодать —
Видеть вас, родные лица!
Вместе с солнышком вставать,
Вместе с солнышком ложиться.
Все невзгоды растворять
В долгом и счастливом лете.
Ах, какая благодать
Жить на этом белом свете!

СОБАЧКА

Собачка на таможне бегает.
У ней здесь кровный интерес —
Ведь каждый пассажир обедает
И, может, что-то не доест.
Кто даст кусок куриной лапочки,
Кто бросит хлеба иль котлет...
К миграционной вашей карточке
Вопросов у собачки нет.
И на таможню смотрит ласково,
И от проверок не дрожит,
То сходит до леска казахского,
То в степь российскую бежит.
Живет своей собачьей совестью.
Щенята малые у ней...
Верна себе, а не условностям,
И всех правителей умней!

* * *

О, сколько телепридурков!..
Сходить за «Литературкой»
Туда, где развал газет.
Немного в жизни событий...
— Забрали уже, простите,
«Литературки» нет!
О, Боже, какая радость,
Что я не одна осталась
На весь прииртышский край!
Откликнись, сопутник кровный!
А ты, дефицит подобный,
Скорее же, наступай!

* * *

Что же нам делать
с дикими нашими нравами?
Устраивай хоть тысячу революций...
Ну чем мы лучше
средневековых варваров?
Вот спортсмены —
покупаются, продаются...

ОДУВАНЧИКИ

Довоенные расплывчатые снимки:
Мамы с детками гуляют на аллеях...
О, мальчишеские круглые затылки —
Одуванчики на тонких детских шеях.
Мир взорвался,
Захлебнулся плачем.
Не за партами они теперь — в траншеях.
Ох вы бритые головушки ребячьи,
Одуванчики на тонких длинных шеях.
...И, споткнувшись на бегу,
Уткнулся мальчик,
Не поняв ни боль, ни страх,
А только смерть,
В ярко-желтый опаленный одуванчик,
Как и мальчик, не успевший поседеть.

ЗЕЛЕНО-БЕЛО-ГОЛУБОЕ

Лежал солдат на поле боя,
Смотрел с надеждой в небеса.
Зелено-бело-голубое
Двоилось у него в глазах.
Дрожал травы зеленый кустик,
Стояли в небе облака.
А чуть вдали — березок русских
Войной сожженные бока.
Он выжил. И в палате белой
Лежал в рубашке из бинтов.
Сирень в окошке зеленела
На фоне майских облаков.
И были дети, были внуки.
И выросли они людьми.
И был зеленым цвет разлуки
И белоснежным цвет любви.
И в царстве вечного покоя
Склонилось тихо перед ним
Зелено-бело-голубое,
Спасенный им
Цветущий мир.

МОБИЛИЗАЦИЯ

*Распоряжением мэра Москвы Лужкова
ветеранам Великой Отечественной войны,
не имеющим телефона,
выдаются мобильные...*

Из газет

И вновь идет мобилизация,
Но только жены слез не льют:
В Москве для ветеранов акция —
Мобильники им выдают.
И, непослушным пальцем тыкая,
Не может дед его открыть...
Большая ты страна, великая,
Да некому уже звонить.

Глупый пустой понедельник,
 Мелочных дел круговерть.
 Солнце садится за ельник —
 Так, что не больно смотреть.
 Где его летняя сила,
 Жаркий июльский азарт?
 Кажется, все это было
 Много столетий назад.
 И совершенно некстати,
 Сбив соплеменников бег,
 Так же стоял на закате
 Грустный смешной человек.
 Не признающий примера —
 В сытости, мол, благодать.
 Марш поскорее в пещеру
 Да повкуснее пожрать!
 Замер, смотря на светило,
 Бросив пращу за плечо.
 Все это было, все было.
 Все это будет еще...
 Может, разгадывал тайну —
 Смысла своего бытия —
 Предок наш дикий и давний.
 Впрочем, такой же, как я.

ЗИМНЕЕ ЧУДО

Воробьи января не боятся,
Но мороз разгулялся всерьез.
Снега нет, а на солнце искрятся
Мириады сверкающих звезд.
Оседает пушком на заборе,
Колет щеки летающий лед...
Как в насыщенном солью растворе,
Что-то все-таки произойдет!
Воплотится, возникнет внезапно
В полузамкнутом кубе двора
Тот, с кем, может быть,
встретишься завтра,
Навсегда распрощавшись вчера.

* * *

Еще одна
зима за плечами...
Как в юности,
не спится ночами.
Да только, жаль,
причины не те.
Тогда любовь
уснуть не давала,
А нынче — жалость:
времени мало!
И что там, за чертой,
в темноте?

НИКОГДА НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ

*Спасай душу свою,
не оглядывайся назад
и нигде не останавливайся.*

Ветхий завет

Никогда, никогда
 не оглядывайся назад.
Вот оглянешься на мгновение —
 и жизнь пройдет.
Соляным столпом
 замрешь у всех на глазах,
Так жену потерял, спасаясь,
 послушный Лот.
Так жену потерял,
 из Аида ведя, Орфей —
Посмотрел, оглянувшись,
 не выдержал лишний час.
Не оглядывайся, терпи!
 Лишь вперед, скорей,
Колесницей, поездом, ветром
 по свету мчась.
Ни к чему вспоминать.
 Не вернуть ни любовь, ни жизнь.
И зачем тебе лишняя рана,
 на сердце след?
Нет давно страны,
 где мы с тобой родились,
И отцов, за нее воевавших,
 на свете нет.

Прогони эту память,
эти химеры прочь,
И тогда пойдут отлично
твои дела.
Позабудь язык, страну,
родителей, дочь,
Как жена Сальвадора Дали — Гала.
Что еще в эту долгую ночь
я могу сказать?
Снова память стучит в висок,
прогоняя сон.
Не оглядывайся! Беги!
Не смотри назад!
Но на кончиках пальцев
уже проступает соль.

Четыре тебя

ИЗ ЦИКЛА «МОЯ ЗНАКОМАЯ СИНИЦА»

* * *

Любовь не может быть привычкой,
А коль привык — она ушла...
Любимый звал меня синичкой
За то, что легкою была.
Легко на зов его летела,
Легко любых касалась тем,
Стихи читала, песни пела,
Забот не требуя взамен.
И, не сумев остановиться,
В себе скрывая боль и грусть,
Легко вспорхнула, как синица,
И никогда не возвращусь.

* * *

Жизнь синицею пролетела ...
Ты попробуй —
вспорхни, вздохни!
А твое основное дело
Было просто писать стихи.
Да за бытом не разглядела,
Кто ты — прачка, кухарка, мать?
А твое основное дело
Было просто — стихи писать.

Но кому нужны эти
 строчки,
Это теньканье за окном,
Эти листья, побеги, почки,
Этот скромный синичкин
 дом?
Но порхает, не уставая,
Презирая мороз и смерть.
Видно, доля ее такая —
Просто радовать. Просто петь.

* * *

Я вспоминаю даты, лица,
Слова того, кто дорог мне...
Моя знакомая синица
Сидит в распахнутом окне.
То чистит перышки, то разом
Вспорхнет, куда-то улетит,
То маленьким блестящим глазом
За мной насмешливо следит.
Комочек жизни — мягкий, малый,
Кусочек, сгусток бытия.
А чья душа в ней, я не знаю.
Родная, близкая, но чья?
Не разгадать мне сей загадки.
Не отпускает память нас...
Живи, как птица — без оглядки,
Лишь в этот миг
 и в этот час.

Я пришла сюда помолиться,
 Постоять у могил родных,
 И знакомая мне синица
 Прилетела взглянуть на них.
 Меж надгробий гранитных скачет,
 Ловит мошек незримых влет.
 Никогда-то она не плачет...
 Впрочем, так же, как не поет.
 Может, жить, как она — моментом —
 И о прошлом не вспоминать?
 Может, мудрость и сила в этом —
 Зря не плакать, не горевать?
 Так беспечно она летает...
 Только надо ль по-птичьи жить?
 Знает умная птаха, знает,
 Что ушедших мне не забыть.

Птичка фиркает:
 — Фить да фить!
 Ей так хочется полетать!
 Ах, как славно на свете жить,
 Ах, как славно весь мир обнять!
 Постояв чуть-чуть на краю,
 Осознав невозвратность мест,
 Ах, как рада я муравью,
 Что на куртку мою залез.
 Ах, как рада я птахе сей,
 Что со мной о весне поет.
 Ах, как встану я завтра в семь
 И пойду копать огород!

* * *

Запомнилась любовь — метками,
Какой-то ерундой, сценами.
Стучащими в окно ветками,
За катером волной пенною,
Перчатками с твоим запахом,
Блокнотиком с твоей подписью...
Невысказанным и — знаковым,
Что Божиим зовут промыслом.
Минуты, миги, вспышки, мгновения...
Не будем говорить лишнего.
Людского убоясь мнения,
Не скрыться от суда Высшего...

* * *

Так же просто, как
ухватить поземку за хвост,
Как познать в одночасье
премудрости всех наук,
Как не думать о смерти,
к палачу взойдя на помост,
Так же просто разнять кольцо
твоих крепких рук.

* * *

Налетело, кануло и минуло.
А была любовь совсем близка.
И такая вдруг тоска нахлынула —
Неземная, смертная тоска.
Что ж так рвется, так безумно
мается
И не хочет оставаться тут
Невидимка, пленница и
странница,
Выдох Божий, что душой
зовут?

РЕЧКА ОМКА

Точно так, как речка Омка
Убегает к Иртышу,
Нежно-нежно,
Долго-долго,
Я всю жизнь к тебе спешу.
Точно так, как речка Омка
Растворилась в Иртыше,
Мой негромкий голос тонкий
Растворен в твоей душе.
И не жалко мне нисколько,
Что судьба у нас одна...
Непростая речка — Омка,
И темна её волна.
Есть в ней омуты и мели,
Но верна себе в большом:
Все равно добьется цели
И сольется с Иртышом!
И когда бывает грустно,
Прихожу смотреть на них:
Эту встречу, это устье,
Это русло на двоих.

г. Омск,
24.05.04.

* * *

Так вот как надо было жить —
несуетно, неспешно.
По городам и по сердцам
напрасно не кружить,
Ловить по вечерам в ладонь
высокий свет нездешний,
Лишь одного тебя жалеть
и одного любить,
Газет убогих не читать,
а в них писать — тем паче!
Ведь всё, что завтра будет здесь,
известно наперед...
Смотреть вдвоем в одно окно,
как дождь осенний плачет,
А вслед за ним придет зима,
слезинки подотрет.
Ах, если б знать,
ах, если б мочь
судьбы предвидеть сроки,
Минутой каждою с тобой
как счастьем дорожить.
Кричать, заплакать, встать крестом,
упасть на том пороге!
Чтоб только ты остался жив...
Но я осталась жить.

СИРЕНЬ

Волшебные звуки свирели...
Уснувший ребенок прекрасен.
Сиреневый сумрак сирени
Для детского сна не опасен.
Опасно её наважденье
Для тех, кто любим или любит.
Опасно мое пробужденье
От сна утомляющих буден.
Опасно остаться с тобою,
Таким незнакомо-любимым,
Стать музыкой, тайной, судьбою,
Весенним сиреневым взрывом!

* * *

О чем говорили, собравшись,
лет двадцать назад?

О новых книгах,
о мальчиках и любовях.

О чем сейчас?

О книгах,
о мальчиках (сыновьях),
Различных коликах, резях,
сердечных болях...

И что изменилось?

В сущности, ничего.

Душа по-прежнему
ждет одного — Его.

АПРЕЛЬСКАЯ ПЕСЕНКА

Эй, водитель, веселей
крути руль!
Прокатиться с ветерком
каждый рад!
Слева зелено —
как будто июль,
Ну а справа еще —
истинный март.
Слева греются на солнце
сурки
И скворцы выводят звонкую
трель,
Справа — снега языки, островки,
А по трассе мчится мимо
апрель.
— Ну, садитесь, если нам по пути,
по апрелю ехать так хорошо!
Можно в лето на минутку зайти,
А из снега можно сделать снежок.
У апреля повороты длинные,
И попутчик о любви говорит...
Ах, как греется с одной стороны!
Да другая сторона — холодит.
Что ж, водитель, прояви свою власть.
Может, вместе мы продолжим свой путь.
Только в будущее нам не попасть.
Только прошлого вовек не вернуть.

ИМЕНА

До жгучей горькой сухости миндалин,
До светлой тайны слов, какой служу,
До высоты, которой не видали,
Я имена твои произношу.

Они стучат в висках неумолимо

И тают терпкой ягодой во рту,

Мне с ними все равно куда, любимый, —

Скучать в раю или гореть в аду...

Лишь добежать, признаться, прикоснуться,

Зарисовать любимые черты.

Но знаю, никогда не дотянуться

До музыки, которой

служишь ты.

ЧЕТЫРЕ ТЕБЯ

Ты утренний.
И свет неяркий, внутренний
Еще не скрылся, не успел остыть.
Я так люблю минуты эти мудрые,
Я так люблю с тобой поговорить.
Ты злой, дневной, ты все решил заранее,
Ты вновь спешишь, тебе не до меня.
А я люблю нарушить расписание,
Прервать звонком лихую гонку дня.
Вечерний ты —
 с лицом уставшим инока,
Газетный, вредный,
 дачный иль хмельной,
А я люблю сказать
 на грани выдоха:
Ты мой — ночной...

Симпатические чернила

ПЕРЕВОДЧИК

Л. Мартынову

С головой накрывает невидимая волна,
И не важен убогий быт или свет тусклый,
Ведь поэзия — перевод с Божественного на
Русский.

Кто впервые сказал об этом — Бог весть.
Может, это умная мысль, может — ересь.

Но пока хоть один переводчик
На свете есть,

Человечество не погибнет,
Надеюсь.

Слушай Голос, и не придумывай ничего.

Подбирай слова, учись, доходи до сути.

И не мни себя автором. Все мы только Его
Слуги.

Но когда однажды, рассекая веслом волну,

Увозя меня в никуда, седой перевозчик

Будет требовать плату, я ему протяну

Пару строчек.

* * *

Процветание или разруха,
Или вспышка на стыке времен —
Белый танец июньского пуха
Никогда не бывал отменен.
И ругают его, и рисуют,
И гоняют метлой — отвяжись!
Снова белые хлопья танцуют,
Снова борется тополь за жизнь.
Мириады кружащихся точек
Лягут в землю и сгинут во тьму,
Словно сонм поэтических строчек,
Неизвестных теперь никому.
Так же, в поисках единовежда,
И поэзии вечный полет:
Хоть за чье-то зацепится сердце,
Хоть в какой-то душе — прорастет!

* * *

Еду, еду к Пастернаку
Через всю страну большую,
По пути перебирая,
Словно четки, города.
Полоса дождя и мрака
Одесную и ошую,
Лишь на горизонте светит
Вифлеемская звезда.
Еду, еду к Пастернаку,
Говорю: еще не вечер...
Все же ты, нескорый поезд,
Не вставай, поторопись.
Он, конечно, нас дождется —
У него в запасе вечность.
Но у нас — у тех, кто едет,
Только маленькая жизнь.
Еду, еду к Пастернаку,
Повторяю ненароком:
Гул затих... Свеча горела...
Воздух грозами пропах...
Так же одинок художник,
Те же провода под током,
Сонные простые лица
В гулких ранних поездах.

МОЛОДОМУ ПОЭТУ

Ты умеешь родиться
в любой эпохе, в любой стране.
Ты казнен на костре,
на дыбе, на колесе.
Ты паришь, как птица,
и падаешь вниз, как снег.
Что ж ты плачешь, дружок,
что ты не такой, как все.
Что чужой ты в своей семье
и родном краю,
Хоть хватаешь время,
как золотую нить,
Что тебя не любят,
не печатают,
не признают.
Ты как думал?
За все придется тебе платить.
За чужие грехи
готов ли ты отвечать?
Так отбрось о славе
молодые свои мечты.
Оставайся один.
Доставай из стола тетрадь.
Пусть завидует тот,
кто не такой, как ты.

* * *

Ах ты, Боже мой, Боже мой,
Ну какой нынче снег густой!
У людей удивленный вид:
Его топчут, а он — летит.
Он упрямо летит с небес,
Чтоб навечно остаться здесь,
Чтоб растаять дотла весной
И опять прорасти травой.
У снежинок боязни нет
На земле не оставить след.
Снег идет...
Не о том ли речь —
Пролетев, вам под ноги лечь.

* * *

Если б я была художником,
Я бы рисовала так:
Все красоты невозможные,
Лица добрые в цветах,
Берега речные с чайками...
Был сюжет бы чист и прост.
Но в углу — как бы нечаянно
Был бы чуть завернут холст.
И на том кусочке маленьком,
На изнанке бытия
Все не видное и тайное
Тоже рисовала б я...

* * *

Памяти Расула Гамзатова

День оборвался и хрустнул...
Нет, ты останься таким —
Шумным, задумчивым, грустным,
Грузным и немолодым.
На незнакомом наречьи
Рвущие сердце стихи...
Не по тебе эти свечи,
Пышные эти венки.
...Путь завершается горный,
Вот и последний приют.
Строки твои, словно зерна,
В душах потом прорастут.
Кто нас прочтет, кто одобрит?
Боль — до сведения скул.
На переделкинском Роберт,
И в Дагестане — Расул...

* * *

Я в начале века мучаюсь над вопросом клятым,
Как, бывало, пахарь на пока что пустой меже:
Родились ли они в 92-м, 95-м,
Как Есенин, Цветаева... Родились ли они уже?
Ходят в детский сад? Да теперь уж, наверно,
в школу...

Что читают? Что за кумиров чтут?
Где живут? В Москве иль каких-нибудь
Холмогорах?

Ну а, может, в соседнем доме они живут?
...Век серебряный и золотой
Уж давно уплыли,
Убыстряет время безжалостный резкий бег.
Кем мы были? Ступенькой, рудой?
Просто пашней были,
На которой взойдет поэзии
новый век.

ДУПЛО

Склоняется небесный купол
В закат — от утренней зари...
Бывают дни — пустые дупла,
И темнота у них внутри.
И леса золоченый терем
Тебя не радует тогда,
И кажется, что день потерян —
Неисправимо, навсегда...
Но стоит жизни осветиться —
И вслед за ночью боль ушла,
И выпорхнет неожиданно птица
Из освещенного дупла.
Из тайны, глубины и мрака,
Из этого пустого дня
Вспорхнут вот так же звуки, знаки,
Строка обрадует меня.
О, нет напрасного в живущем!
Благословляю их светло:
И зимний лес, и куст цветущий,
И в старом дереве дупло.

ЯБЛОНЯ

Как белоснежно-нежна
яблоня эта весенняя.

В мае
на свалке
она
облаком легким парит.

О, из какого зерна,
дивного чистого семени

Выточен этот сосуд
и красотой налит?

Горестной грязной земли
вроде совсем не касается,

Но от креста своего
уж никуда не уйдет:

Снегом пушистым летит,
ангелом светлым является,

А все равно этот смрад,
яд человеческий пьет.

Снова идут мужики,
чьи-то работнички резвые,

Ведро несут и мешки,
будут кидать и ломать...

Боже, не так ли и ты,
бедная наша поэзия,

Вечно на свалке растешь!

И для чего — не понять.

...Вот, побряхтев о своём,
мусор под яблоню бросили.

Просто не думай о том,
зря расцветашь ли ты,

Что не оценят тебя,
и не придут сюда осенью,

И никогда не сорвут
терпкие эти плоды.

КРЫША

Человек по крыше рыщет
Третьи сутки — вот напасть!
Или что на крыше ищет,
Или хочет вниз упасть?

Я сижу, переживаю
У раскрытого окна.
Чем помочь ему, не знаю.
Или помощь не нужна?

Может, прогуляться вышел,
В тишине побыть один...
Я сама брожу по крыше
Много лет и много зим.

Здесь лишь ветер, птицы, солнце —
Неба огненный зрачок.
И Поэзией зовется
Этот крохотный клочок.

Здесь легко звезду потрогать,
На лету поймать слова.
И у многих здесь, у многих
Закружилась голова...

Хоть сюда подняться лестно,
Свысока смотреть на жизнь,
Но вокруг — такие бездны,
Осторожно, не сорвись!

Но чудак меня не слышит,
Думу думает свою.
Он опять сидит на крыше,
Самой кромке, на краю...

ОТКЛИК

...Но пройдет ли голос тонкий,
Вздоха легкая струя
Через эти переборки,
Перепонки бытия?
Иль останется навеки,
Как смешной домашний гном,
В этом доме, в этом веке,
В этом городе родном?
Может, все-таки услышат,
Может, все-таки прочтут...
И полюбят, и напишут,
И на помощь позовут.
Ведь важней всего — как воздух,
Печка лютою зимой,
В чьих-то душах просто отзвук,
Просто отклик, Боже мой...

СИМПАТИЧЕСКИЕ ЧЕРНИЛА

И каждому дается белый лист,
И, кто как может, это проявляет:
Кто пишет стих, кто краски взял и кисть,
А для кого-то музыка играет.
О, тайнопись стиха! Загадка нот!
О, свежих красок колдовская сила!
Давно все это написал Господь,
Невидимы небесные чернила.
И лишь когда души твоей волна
В страданьи и любви на них прольется,
Проявятся все эти письмена —
Стих зазвучит и музыка взорвется!

Министерство культуры РФ

Институт археологии РАН

Москва

Сборник научных трудов

Выпуск 10

1998 г.

Тираж 100 экз.

Цена 10 руб.

Издательство "Археология"

Москва

1998 г.

Колокольчик из Тарусы

В. А. Смирнов

Тарусы, Тульская область

1998 г.

10 стр.

100 экз.

Издательство "Археология"

Москва

1998 г.

10 руб.

Издательство "Археология"

Москва

1998 г.

100 экз.

Издательство "Археология"

Москва

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МАРИНЫ

М. Цветаевой

Гроздья красные рябины,
Золотое чудо дня.
День рождения Марины —
День рождения меня.
Все поэты одиноки,
Но важна иная связь.
Не прочти я эти строки,
И душа б не родилась.
Я была бы комом глины,
Веткой хвороста сырой,
Без огня моей Марины
Я была б совсем другой.
Но — явилась и воскресла,
Подарила мир и жизнь.
Увела в такие бездны,
Подняла в такую высь...
И слились в одном течении
И восторг, и страсть, и грусть.
И за все ее мученья
Я сегодня помолюсь.
И благословляю снова
За поэта бытие
День Иоанна Богослова,
Подаривший нам её.

КОЛОКОЛЬЧИК ИЗ ТАРУСЫ

Вечер долгий, зимний, грустный,
Одиночество сквозит...
Колокольчик из Тарусы
На столе моем стоит.
Подержу его в ладошке,
Потрясу его слегка —
Разольется под окошком
Синеокая Ока.
Вспыхнет полдень — жарок, ясен,
Захлестнет иная жизнь,
И Марина вместе с Асей
Побегут с пригорка вниз.
Век прошел — они все те же,
С неизбывной жаждой жить!
И Таруса манит, держит,
Не дает о них забыть.
...Встрепенусь, опомнюсь ночью
Над цветаевской строкой.
Чудо? Сказка? — Колокольчик
Бирюзово-золотой.

Я ПРИЕХАЛА...

Я приехала поцеловать землю, где стоял Цветаевский дом.
Но сделано так, чтобы это никто не смог.
Не целовать же, в самом деле, грязный бетон,
На котором топтались недавно сотни ног.
О, зловеющий символ — плясать на памяти, на костях...
— Танцплощадку надо? Цветаевский дом снести!
Чтобы не была больше никто у сестер в гостях...
Ты прости нас, Марина. Ася, ты нас прости.
Только гости едут и едут, идут и идут.
До земли поклонюсь Оке, берегам, лесам,
Детству светлому, что навеки осталось тут,
Двум девчонкам московским, чистым их голосам.

ЯКОРЬ

О, будь ты моряк или пахарь,
О, будь ты беглец иль судья,
Но все же когда-нибудь якорь
Поставит на место тебя.
Вот так и сбылось, и случилось —
Вдруг встала на место душа,
Когда я к Тарусе прибилаеь
С крутых берегов Иртыша.
Октябрьским Марининым светом
Все было здесь освещено,
И я вспоминала все это,
Как будто бы знала давно:
И берег, и узкие тропки,
Прозрачную воду Оки,
И камень, и голос негромкий,
Читающий чьи-то стихи...
И город, как истинный знахарь,
Лил в душу счастливый покой.
И звали гостиницу «Якорь»,
Где мы поселились с тобой.

ОСЕНЬ 1909-ГО ГОДА

Уехала, уехала Марина...
Её — Москва, её Париж манит.
И спит в тиши Пачёвская долина,
И берег, и Ока в тумане спит.
О, если б знать, как жизнь изменит русло,
Какая будет страсть! Какая смерть...
И снова в октябре грустит Таруса,
Что некому красу её воспеть.

«ЧУДНЫЙ МЕСЯЦ...»

А. Цветаевой.

Мир огромен, красив и спокоен.
К маме младшая, Асенька, льнёт...
«Чудный месяц плывет над рекою», —
Кто-то в лодочке дальней поет.

Небо щедро делили с сестрою:
— Мне — закат! А тебе вот — восход!
Чудный месяц плывет над рекою,
Свет нездешний, божественный льёт.

Кто посмел бы предвидеть такое:
Здесь, в Тарусе, их мама умрет.
Чудный месяц плывет над рекою,
Кто-то плачет, а кто-то поет.

Жить — как птица, без рабства и фальши, —
Пишет ночью сестрица в тетрадь.
«Чудный месяц...» — и дальше, и дальше,
Разве можно судьбу угадать.

...Ей — за сорок. И снова Таруса,
Сын с невестою рядом идет.
«Чудный месяц...». С безжалостным хрустом
Их ломает тот проклятый год.

Двадцать лет унесло... За водою
С внучкой Ритой на берег спешишь.
Чудный месяц плывет над рекою,
Да течет не Ока, а Иртыш.

Вновь — Москва, и ничто не помеха
Эту долгую жизнь описать.
И, как в детстве, в Тарусу приехать,
И, как в детстве, с пригорка сбежать.

Мир огромен, красив и спокоен,
Только счастья никто не вернет.
Чудный месяц плывет над рекою,
Всё плывет, и плывет, и плывет...

ЦВЕТАЕВСКИЙ КОСТЕР

Мы рады друг другу, как будто родня.
А что удивляться — душа-то едина!
Запрыгал по веткам бельчонок огня —
То снова костер зажигает Марина.
Она — между нами, она где-то здесь,
В Тарусу она не могла не приехать.
Ну, может, ушла за валежником в лес
И слышит стихов своих гулкое эхо.
На цыпочки встали березы и клен,
Косится пичуга испуганным глазом...
И мир ошарашен, и мир удивлен —
Он заново, заново, заново назван!
Пылают поленья, смолисты, сухи...
Слова — неподкупны. Сердца — неподсудны.
Вот так же порой обжигают стихи.
Сжигают поэты не ветки, а судьбы.
...Когда вдруг покажется:
жизнь — это вздор,
Задушит змея равнодушья и сплетен,
Зажгите с друзьями Маринин костер,
И руки, и лица, и души согрейте!

ОВРАГ

Это был обычный тарусский овраг.

Мы по верхней тропке притихшие

шли.

Он в осенних сумерках

подрагивал — как

Чуткое таинственное ухо Земли.

И, остановившись у него на краю,

Я к траве пожухлой

не спеша наклонюсь:

— Я тебя люблю, Таруса, люблю!

Я к тебе вернусь, Таруса, вернусь!

Таруса-Москва-Павлодар

Октябрь 2004

СОДЕРЖАНИЕ

На улице Набережной	3
«Влюбившись в этот город маленький...»	4
Песенка о контролере	5
Напросвет	6
«На спящий город кисею набросили...»	7
Новая жизнь	8
На улице Набережной	9
Павлодарские облака	10
«Я сижу на песке...»	11
Московский дождь	12
«Когда ручьи, еще чисты...»	13
Письмо от мамы	14
Скворцы	15
Кроссворд	16
Сон пополудни	17
Короста	18
20-й век	19
«...И уже позабыты кумиры...»	20
«Всё ж 21-й век...»	21
Виноград	22
Мои маленькие сыновья	24
«Но вот замедляется...»	25
Из «Писем в Германию»	26
«Ах, какая благодать...»	27
Собачка	28
«О, сколько телепридурков!...»	29
«Что же нам делать...»	30
Одуванчики	31
Зелено-бело-голубое	32
Мобилизация	33

«Глухой пустой понедельник...»	34
Зимнее чудо	35
«Ещё одна зима за плечами...»	36
Никогда не оглядывайся	37
Четыре тебя	39
Из цикла «Моя знакомая синица»	40
«Запомнится любовь — метками...»	43
«Так же просто, как...»	44
«Налетело, кануло и минуло...»	45
Речка Омка	46
«Так вот как надо было жить...»	47
Сирень	48
«О чем говорили, собравшись...»	49
Апрельская песенка	50
Имена	51
Четыре тебя	52
Симпатические чернила	53
Переводчик	54
«Процветание или разруха...»	55
«Еду, еду к Пастернаку...»	56
Молодому поэту	57
«Ах ты Боже мой, Боже мой...»	58
«Если б я была художником...»	59
«День оборвался и хрустнул...»	60
«Я в начале века мучаюсь...»	61
Дупло	62
Яблоня	63
Крыша	64
Отклик	65
Симпатические чернила	66

Колокольчик из Тарусы	67
День рождения Марины	68
Колокольчик из Тарусы	69
Я приехала...	70
Якорь	71
Родник	72
Осень 1909-го года	73
«Чудный месяц...»	74
Цветаевский костер	75
Овраг	76

Ольга Григорьева

НИКОГДА НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ

Стихи

Компьютерный дизайн, верстка

Порошин М.А.

ТОО "ДОМ ПЕЧАТИ"

Сдано в набор: 14.05.2005 г. Подписано в печать: 15.06.2005 г.

Формат: 60x84/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5

Тираж 500 экз. Заказ №2445

Отпечатано в ТОО "ДОМ ПЕЧАТИ"

140000, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. Ленина, 143

